

М. З.

Спор о германской культуре

(В Религиозно-философском обществе
памяти Вл. Соловьева)

Доклад В. Эрна «От Канта к Круппу» вызвал, как известно, уже целую литературу и весьма ожесточенные споры в философских кругах.

Заседание соловьевского общества, состоявшееся третьего дня, было посвящено обсуждению дополнительной части доклада В. Эрна «От Канта к Круппу» — разбору «сущности немецкого феноменализма», но по существу оно явилось продолжением предыдущего заседания, на котором выступали так называемые «германофильствующие»¹ (термин, за который на Эрна обиделись весьма многие)*.

Доклад В. Эрна о сущности немецкого феноменализма, с одной стороны, еще более усилил внешнюю схематичность его отрицаний и утверждений, а с другой — ввел некоторые весьма существенные поправки в его оценку германской культуры вообще. Отрицая в своем дополнительном докладе еще более резко главную магистраль развития немецкого духа — Канта и его последователей, он все же признает и утверждает старую немецкую музыку и светлые вершины немецкой поэзии — Гете и Новалиса. Эта «малая дорога» германского духа для него полна глубочайшей и вселенской значительности.

Но сущность германского духа, по мнению В. Эрна, характеризуется не этими исторически малодейственными линиями развития, а главной магистралью немецкой культуры, на которой полновластно царит Кант и его последователи. Чтобы понять неразрывность линии от Канта к Круппу, необходимо понять сущность кантовского феноменализма.

* В «Утре России» этому заседанию был посвящен подробный отчет.

Феноменализм происходит от слова φανέναι — являться. Явление в нашем земном опыте есть пункт соприкосновения или встречи познающего с познаваемым. Как познается объект субъектом в феноменализме Канта?

По Канту, поскольку что-нибудь познается, постольку оно *создается*, и вне разумного созидания предмета не может быть никакого познания. Если мы примем, что субъект — активная форма познания — есть начало мужское, а формируемая материя, как действительность, есть начало женское, то мы должны сказать, что кантовское познание есть такая форма насиленчества над действительностью, при которой женственность сущего начисто отрицается и не признается. Кант утвердил навсегда *развод* на веки вечные между разумом и действительностью. Философия Канта в люциферическом «бесстрашии» занялась магией первоначального созидания различных ликов действительности для работы над ними «научного метода». Вся действительность превратилась, таким образом, в марионеточное марево, вызываемое из небытия всемогущей волей познающего.

Не только Кант виновен в этом извращении нормальных отношений между познающим и познаваемым. Еще августинский монах Мартин Лютер перерезал живое духовное питание немецкого организма небесною женственностью, и с тех пор начались трагические блуждания немецкого духа, через «Критику чистого разума» Канта шедшие к безумной и горделивой цели: чистым насилием завладеть властью над народами и Землею.

В. Эрн верит, что наше воинство, подобно своему святому патрону Георгию Победоносцу, должно поразить насмерть германского дракона лишь для того, чтобы освободить его пленниц; среди же пленниц этих находятся не только народности, поработанные тевтонским засильем, но и поработанная, отдававшаяся Люциферу и духам злобы *душа* самого германского народа.

Таково понимание Эрном кантовского феноменализма и той магистральной линии развития германского духа, которая приводит к материальному осуществлению философского насилия над действительностью, т. е. к пушкам Круппа.

Это то понимание Канта и послужило главной мишенью для оппонентов г. Эрна. С большой и страстно-возбужденной речью выступил И. А. Ильин, которого председательствовавший Г. А. Рачинский не раз останавливал за резкие выпады нефилософского порядка против В. Эрна.

Есть такие глухие и слепые, спор с которыми, по мнению Ильина, едва ли явится продуктивным. Они льстят народу, называя только его народом Божиим, и отрицают истинность и значительность всего чужого. Тех, кто спорит с ними, они называют хулителями и изменниками своему народу или «зеленой молодежью». Они не желают ничего доказывать, ибо «доказывать» — дело немецкое, и истина, по их мнению, не докажется, а рассказуется. Вот почему страх и сомнение охватывают Ильина, когда он решается спорить с этими людьми.

Это вступление И. А. Ильина сразу же создает напряженную атмосферу в зале. «Германофильствующие» торжествующе улыбаются, председатель волнуется, хмурится кн. Е. Н. Трубецкой и только один В. Эрн остается спокойным.

От аргументов «страха и сомнения» И. А. Ильин переходит все же к аргументам чисто философского свойства.

Докладчик не знает Канта, ибо в его докладе нет «ни одного верного слова». Кант только утверждает, что все теоретическое, научное познание чувственно по материалу и что Божие не может быть понято в чувственном опыте. Хотя «вещь в себе» по Канту и не познается, но все же она присутствует в элементах его познания. Докладчик смешал Макса Штирнера с Кантом. Никакого разрыва между субъектом и объектом у Канта нет, и Кант не был феноменалистом, так же как и Гегель, Шеллинг и Фихте.

В. Эрн отвечает И. А. Ильину и подчеркивает, что вера в свой народ не есть еще бахвальство и гордыня. Каждый народ имеет свою святыню, и утверждение этой святыни еще не есть превозношение.

Кн. Е. Н. Трубецкой выражает прежде всего сожаление, что прения приняли такую необычайную и нежелательную для Религиозно-философского общества форму. По существу же он находит также, что докладчик недозволительно упростил Канта. Действительно ли Кант чужд онтологичности? А Фихте с его утверждением абсолюта духа? Наконец, пафос могущества современной Германии есть признак не феноменализма, а онтологизма. Докладчик забыл немецких мистиков Якоба Бёме, Баадера и других с их подлинной религиозностью. Почему, наконец, признавая Гёте, Новалиса, докладчик считает только Канта магистральной линией, а их — побочными и не характерными для развития германского духа? В забвении крупных ценностей германского духа и есть основной грех докладчика.

В. Эрн возражает кн. Е. Н. Трубецкому. Если бы он писал монографию о Канте, то он бы учел все его многообразие. Но

ему нужно было найти острие кантовской философии. Этим острием и является кантовский феноменализм.

Возникает весьма острый спор между Эрном и Трубецким, принимающий форму диалога.

А. М. Щербин доказывает, что докладчик все время выделял феноменализм Канта из всей его многообразной системы и не обратил должного внимания на его этику и категорический императив.

С. Н. Булгаков становится в защиту В. Эрна. У каждого есть свой Кант, и действительно, у него есть своя «онтология». Но как развивает Кант эту онтологию? В сторону злейшего отрицания божественности сущего. Всякая действительная онтология, по мнению Канта, суеверие. Все главное русло германского духа есть протестантский разрыв с Богом, и в этом мировая значительность германской трагедии. Борьба титанов против Бога присуща глубинным истокам германского духа, и наша борьба с этим человеческим восстанием против святынь есть не «националистическое» устремление, а насущное национальное и религиозное дело.

За поздним временем большинство записавшихся ораторов не могло высказаться, и прения переносятся на следующее собрание.

Заседание привлекло много членов общества и оставило после себя сильное впечатление. В спорах о сущности германской культуры заключена задача не только разрушительная, но и созидательная, но только переоценка германской культуры, но и должная оценка культуры русской. С этой точки зрения необходимо пожелать, чтобы дальнейшая работа Религиозно-философского общества сошла с узкой тропинки «От Канта к Круппу» на большую и широкую дорогу нашего национального мироощущения и миропонимания. Переоценка господствовавшей до сих пор у нас немецкой философии — дело весьма нужное и полезное, но если согласиться с тем, что Крупп является выразителем сущности германской культуры, то *действительная* переоценка этой культуры и философии совершается там, на полях сражения, нашим доблестным воинством.

Нам же здесь предстоит другая задача. Воздвигнуть «на месте новом» достойную обитель для нашего национального духа. Для этого прежде всего необходимо обратиться к залежам нашего национального творчества и к изучению тех богатств, которые оставили нам наши предшественники.

